

ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СРЕДА КАК ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ В НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2015 А. А. Криулина

*докт. психол. наук,
проф. каф. методики, педагогики и психологии
профессионального образования
e-mail: anitim@list.ru*

Курский государственный университет

Эргодизайн, как новое направление эргономики, зародившись в западных странах, продолжает успешно развиваться. Представлен опыт развития концепции эргодизайна в России, отраженный в научном наследии ученых ВНИТЭ. Определены возможности реализации этого наследия в нескольких учебных дисциплинах по психологии и эргодизайну, изучаемых студентами ИПФ.

Ключевые слова: эргодизайн, предметно-пространственная среда, развивающая среда, психологические дисциплины

Интерес к проблеме, содержащейся в названии статьи, вызревал у автора долгие годы, начиная с преддипломной практики в лаборатории функциональных состояний ВНИИТЭ, где зародилась отечественная концепция эргодизайна предметно-пространственной среды (далее ППС). Основные результаты ее реализации сотрудниками института отражены в двух монографиях [Калиничева, Жердев, Новиков 2009; Эргодизайн промышленных ... 2009]. В институте дух этой концепции чувствовался во всем. Располагался ВНИИТЭ на территории ВДНХ (впоследствии ВВЦ) у Хованского входа, в трехэтажном здании, помещения которого отвечали двум общим критериям эргодизайна: эстетичности (критерий дизайна) и комфортности всех работающих в нем профессионалов (критерий эргономики). В холлах института выставлялись образцы офисной мебели, отвечающей обоим критериям эргодизайна. Экспозиция мебели регулярно обновлялась.

Коллектив института состоял преимущественно из специалистов в области эргономики и психологии труда, а также художников и дизайнеров. На этапе становления институт «собрал созвездие талантливых ученых, проектировщиков, философов, методологов, деятелей культуры ...» [Мунипов, Зинченко 2001: 155]. Всему коллективу предстояло разрабатывать проекты, направленные на «преобразование технизированной предметно-пространственной среды труда, быта и отдыха людей», подводить к задаче «совершенствования социально-экономической жизни страны» [Там же: 155]. Во ВНИИТЭ функционировал диссертационный совет, гармонично сочетавший в своей работе научную деятельность докторов наук двух направлений – психологов труда и искусствоведов. Соответственно и представляемые в диссертационный совет научные работы соискателей ученых степеней относились к этим же направлениям.

На Западе симбиоз дизайнеров и эргономистов возник в предпринимательской деятельности широко известной корпорации «Ксерокс». Именно ей принадлежит заслуга в появлении эргодизайна как нового направления в эргономике. В конце 70-х гг. прошлого столетия корпорация потеряла почти 50% рынка. Единственным правильным

выходом из сложившейся ситуации явилось изменение стратегии корпорации. С этой целью в одном из ее подразделений были объединены 25 квалифицированных дизайнеров и столько же эргономистов. До кризиса они работали порознь и решали самостоятельно свои задачи. Более того, они не очень дружелюбно относились друг к другу. Причина заключалась в диаметрально противоположных ориентирах их профессиональной деятельности. Предмет интересов дизайнеров – субъективен, иррационален и не измеряем в то время, как усилия эргономистов направлены на экспериментальные исследования с тщательным измерением множества параметров работающего человека.

С момента объединения эргономистов и дизайнеров для решения общих задач корпорации началось постепенное восстановление ее конкурентоспособности, а затем и лидерства на мировом рынке. В корпорации были разработаны рекомендации, которые впоследствии нашли широкое практическое применение, что позволило считать их впервые разработанной «технологией» эргодизайна. Подробное описание рекомендаций содержат научные источники [Кашкина, Лидова 2011]. Конец 70-х гг. считается датой рождения эргодизайна, который в настоящее время является базовой стратегией многих фирм США, стран западной Европы и Японии. К сожалению, Россия в этом плане существенно отстает от названных стран.

Вначале, в связи с распадом СССР был утрачен бесценный опыт филиалов ВНИИТЭ, расположенных в столицах союзных республик, в которых проблемы проектирования разных объектов (как простых, так и системных) решались совместными усилиями дизайнеров и эргономистов. Далее исчезновение прикладных отраслей экономики в России привело к закрытию филиалов ВНИИТЭ в городах Российской Федерации и крупного отдела эргономики в головном институте. Не так давно и столичный институт был расформирован в ходе реализации планов по возрождению ВДНХ. Часть продуктивных результатов его полувековой научно-исследовательской деятельности сохранилась теперь только в отдельных публикациях ведущих сотрудников института, а также в монографиях, учебниках, кандидатских и докторских диссертациях, защищенных в диссертационном совете при ВНИИТЭ.

В истории развития эргономики в России специалисты выделяют два содержательных этапа ее формирования, которые так и не привели к нормальному статусу в стране и в промышленности. Анализ причин дан в монографии В.М. Мунипова и В.П. Зинченко, крупнейших специалистов в области эргономики [Мунипов, Зинченко 2001]. Их монографию можно считать энциклопедией эргономики. Об этом свидетельствует количество обсуждаемых проблем, качественный всесторонний и глубокий их анализ с обращением к научным источникам отечественных и зарубежных авторов, подробнейшие библиографические списки в конце каждой главы, наличие иллюстраций. Хочется выразить надежду, что объявленное приоритетным в подготовке современных кадров возрождение качественного обучения инженеров и рабочих в России, сопряженное с необходимым для этого возрождением прикладных отраслей экономики, позволит в недалеком будущем возродить интерес к эргономике в целом и к эргодизайну, одному из эффективных ее направлений.

К сказанному следует добавить некоторые соображения о масштабах богатства разработок по совершенствованию ППС. Оценить масштаб поможет позиция тех эргономистов, которые совмещали научно-исследовательскую работу в организациях гражданского и оборонного назначения [Шлаен, Заракровский 1995]. В условиях конверсии ряда оборонных предприятий, а также в связи с выходом на пенсию ряда специалистов они продолжали работать в гражданских организациях. Авторы цитируемой статьи считают, что большая часть эффективных разработок, выполненных

по заказам военно-воздушных сил, сухопутных и ракетных войск и успешно реализованных на практике в военных отраслях, может быть также успешно применена в гражданской сфере. С этой целью необходимо обеспечить наличие трех элементов в любом конверсионном процессе: «конверсии знаний (результатов исследований и разработок), конверсии специалистов и конверсии технологий, производственных мощностей и продукции» [Там же: 27]. Возможность конверсии знаний подтверждается наличием учебной литературы, подготовленной в первую очередь для специалистов оборонной отрасли, но полезной также и для студентов гражданских вузов [Сергеев 2003].

Интерес автора излагаемой статьи к проблеме ППС возродился в связи с выполнением диссертационного исследования, в котором разрабатывалась структура образовательного пространства высшего педагогического учебного заведения. Бесценной в этой работе оказалась вышедшая в 1989 г. книга М. Черноушка «Психология жизненной среды» [Черноушек 1989]. Вступительную статью к этой книге написал известный психолог Л.А. Китаев-Смык. Он впервые обозначил разные среды *пространства жизнедеятельности человека*: природную среду, искусственную рабочую среду, искусственную жилую среду, социальную среду и внутреннюю среду каждого человека [Китаев-Смык 1989]. Такой целостный взгляд автора принципиально снимал противоречие прежних экологических концепций среды, в которых противопоставлялись внешняя и внутренняя среда. В явном виде к ППС можно отнести искусственную рабочую среду и искусственную жилую среду. Далее будет показано, что в виде образов вещные компоненты ППС присутствуют и во внутренней среде.

Отметим, что между отношениями людей и их поведением в социальной среде, с одной стороны, и объектами ППС, с другой стороны, также существует определенная взаимозависимость. В научной литературе она получила название «материальное тело» организационной культуры [Чайнова, Кашкина, Лидова 2002]. Выявленная взаимозависимость определяется тем, что мир вещей отражает мир человеческих отношений, но не пассивно, а активно: в одних случаях зарождаются новые отношения, а в других наблюдаются затруднения в уже существующих отношениях. Это обусловило введение принципа функционального зонирования для разработки проектов офисных ППС и необходимость использования мобильных мебельных комплексов. Полезно акцентировать внимание студентов на том, что функциональное зонирование применяется и в Монтессори-педагогике. Дидактические материалы размещаются в групповой комнате в шести основных зонах: зона практической жизни, сенсорная зона, математическая зона, зона развития речи, письма и чтения, двигательная зона. На Западе в современных Монтессори-садах выделяют еще одну зону – зону уединения (или зону тишины) [Любина 1998].

В разработках ППС для детских садов отечественные ученые также выделяют функциональные зоны. Модель детского развивающего центра содержит три крупных пространства: пространство жизнедеятельности детей (пять компонентов), коммуникативное пространство (два компонента), пространство жизнедеятельности персонала (три компонента) [Развивающая предметно-пространственная среда... 1997]. Компоненты первого пространства по содержанию аналогичны функциональным зонам Монтессори-садов: пространства экологического развития, физического развития, интеллектуального развития и творчества, витальное пространство. В свою очередь, в витальном пространстве выделяют еще шесть функциональных зон: зона для приема пищи, зона для отдыха детей, санитарно-гигиеническая зона, зона для смены одежды, медицинская зона, зона релаксации. Для каждой из названных зон предложены рекомендуемое оборудование и оснащение [Там же: 38–39].

Выбранное за основу и дополненное информационной средой, данное целостное представление разнообразных сред пространства жизнедеятельности человека применялось и применяется в нескольких учебных дисциплинах, изучаемых студентами индустриально-педагогического факультета (далее ИПФ). Вместе с приобретением целостного представления о пространстве жизнедеятельности человека студенты могут с помощью знакового моделирования классифицировать разрозненные описания определенных феноменов, встречающиеся в учебной литературе по разным учебным дисциплинам.

Поясним сказанное примерами. Многообразие видов дизайна при изучении дисциплин «Проектная культура» и «Эргодизайн предметно-пространственной среды» студенты классифицировали путем их соотнесения с конкретной средой пространства жизнедеятельности. Так, деятельность ландшафтных дизайнеров и флористов сопряжена с природной средой. Компьютерный дизайн и веб-дизайн применяются для совершенствования информационной среды. Усилия профессионалов в области социального и организационного дизайна направлены на явления, возникающие в социальной среде. Психотерапевты, психиатры, стилисты, визажисты, имиджмейкеры в той или иной мере преобразуют внутреннюю среду человека или стимулируют его собственные ресурсы к позитивным изменениям внутренней среды. Виды чрезвычайных ситуаций, а также средства труда разных профессионалов можно классифицировать аналогичным способом при изучении дисциплины «Психология профессиональной деятельности».

В разное время сотрудниками ВНИИТЭ были предложены проекты, связанные в той или иной степени с совершенствованием объектов ППС. К ним относятся: проект «Крестьянское хозяйство» (в системе многоукладной экономики); проект развивающе-оздоровительной среды для детей в рамках дизайн-проекта «Дети Чернобыля»; развивающая предметно-пространственная среда детства; «Предметно-пространственная среда в управлении» и др. Все разработчики проектов учитывали «*обобщенные критерии оценки*» для объектов и компонентов предметно-пространственной среды. К ним относят:

- 1) эстетическую привлекательность конечных результатов проектирования – критерий, вытекающий из природы дизайнерского творчества;
- 2) состояние функционального комфорта потребителей проектируемых объектов – критерий, применяемый в исследованиях и рекомендациях по эргономике.

На наш взгляд, оба критерия имманентно присущи наиболее удачному определению эргодизайна: «Эргодизайн – ...человекоориентированная научно-практическая деятельность, при которой за счет интеграции средств дизайна и эргономики создаются эстетически и эргономически полноценные объекты и предметно-пространственная среда» [Эргодизайн промышленных изделий... 2009]. Оба критерия в свое время были предложены для оценки компонентов образовательного пространства высшей педагогической школы [Криулина 2003]. Следует отметить, что наряду с обобщенными критериями для оценки разных сред проектируемого пространства любой организации используются частные критерии.

Основные этапы взаимодействия дизайнера и эргономиста с выделением конкретных задач, решаемых ими на каждом этапе, изучаются в дисциплине «Эргодизайн предметно-пространственной среды». Особое внимание уделяется *предпроектному моделированию* как особой задаче эргономистов на этапе принятия решения о проектировании конкретного изделия. Многообразие видов такого моделирования изложено в учебном пособии, тексты которого слушатели дисциплины используют в качестве основы для подготовки докладов по избранной теме. В пособии описана специфика предпроектного моделирования таких объектов: шкалы приборов

для автомобилей ВАЗ и КАМАЗ, бытовые ручные электрифицированные инструменты, кабины зерноуборочных комбайнов, развивающая предметно-пространственная среда детства, ППС офисных интерьеров [Эргодизайн промышленных изделий... 2009].

На практических занятиях по возрастной психологии студентов целесообразно знакомить с *эвристическим деревом целей*, предложенным С.Л. Новоселовой, автором проекта «Развивающая предметная среда детства» [Новоселова 1994]. Проект был выполнен в Центре «Дошкольное детство» им. А.В. Запорожца. А.В. Запорожец использовал в своих выступлениях в качестве метафоры образ многоэтажного здания, которому он уподоблял целостный процесс развития ребенка, желая тем самым показать преемственность разных этапов развития. Пропуски этажей грозят обрушением всего здания. Аналогично качественное развитие детей не должно иметь пропущенных этапов или недоработок на этих этапах.

Разделяя подход А.В. Запорожца, С.Л. Новоселова предложила эвристическое дерево целей развивающей социопредметной среды детства как новую метафору для образного отображения преемственности в психическом развитии детей разного возраста [Новоселова 1994]. Именно возраст является стержнем (стволом) этого развития. Справа от него прописаны изменения психологического содержания мотива (предмета) деятельности, который, согласно А.Н. Леонтьеву, может быть как осязаемым материальным предметом, так и предметом идеальным, воображаемым. Слева от ствола прописана иерархия функций предмета в деятельности детей разных возрастных групп. Показана последовательная смена следующих функций: на разных возрастных этапах предмет выполняет функцию мотива, объекта, средства, опоры, условия, ситуации, модели или цели деятельности. Подбирая примеры из жизни или из художественных произведений, которые иллюстрируют разные функции предмета, студенты лучше понимают и запоминают специфику каждого возрастного этапа.

Интересным и содержательным дополнением к дереву целей служат работы тверских психологов, результаты которых обобщены К.О. Чедия в его классификации онтогенетических уровней освоения человеком отношения к миру вещей [Чедия 2001]. В ней, так же как в дереве целей, просматривается определенная иерархия: вначале осваиваются игрушки, затем предметы бытового обихода и продукты питания, после них – вещи учебно-культурного обихода и «святыни реликвии» (не в церковном смысле слова) и вслед за ними – орудия труда, инструменты, техника, транспорт. Особый интерес у студентов проявляется в отношении «святыни реликвий», которые К.О. Чедия понимает как «вещи, являющиеся символами наиболее ценных явлений духовной жизни» [Чедия 2001].

Определенный интерес для студентов, изучающих дисциплину «Эргодизайн предметно-пространственной среды», представляет тема «Дом как объект предметно-пространственной среды». К этому объекту люди относятся по-разному. Древнюю Русь почитали домом Царицы Небесной – сакральный смысл дома. Высокий экзистенциальный смысл дома обозначил Б. Ничипоров, включив обретение дома в число благодатных перемен, случающихся в жизни людей. Наряду с обретением дома к таким переменам автор отнес следующие: обретение своего пути и формирование личной «субстанциональной» мифологии, обретение родины и почвы, обретение слова и имени, обретение нравственного закона и свободы [Ничипоров 1994]. Более подробное толкование обретения дома позволяет слушателям узнать, что, помимо физической бездомности в виде отсутствия материальных стен и крыши, существует и метафизическая бездомность. К ней Б. Ничипоров относит несколько отрицательных типов домашнего устройства: дом как притон или забегаловка; дом как проходной двор; дом как вокзал; дом как салон; дом как затвор. Вместе с тем автор приводит и свое понимание идеального дома, рассматривая его как «...гибкое образование, где

сохраняется благодатный и разумный баланс замкнутости от мира и открытости к миру и людям в Боге» [Ничипоров 1994: 58].

Как междисциплинарная, проблема дома изучается представителями разных наук: истории, архитектуры, культуры, философии, психологии и психотерапии. Каждая из наук внесла свой вклад в понимание обозначенной проблемы. Поскольку дом является объектом искусственной жилой среды пространства жизнедеятельности человека, то заслуживают интереса фундаментальные мотивации человеческой экзистенции, выделенные австрийским психотерапевтом А. Лэнгле и определенным образом связанные с пространством дома. Первая мотивация задает бытийное измерение экзистенции, когда пространство дома обеспечивает человеку возможность дать быть себе и другим. Эмоциональное измерение экзистенции представлено во второй фундаментальной мотивации, благодаря которой человеку должно нравиться жить. Для этого дом должен быть наполнен любимыми людьми и вещами. Ощущение самооценности задает измерение третьей фундаментальной мотивации, обеспечивающей баланс уважительного отношения к себе и окружающим, наличие индивидуального стиля в обустройстве пространства дома. Переживание осмысленности жизни составляет суть четвертой фундаментальной мотивации [Лэнгле 2003].

Социально-философский анализ позволил С.В. Климовой выделить несколько архетипических функций дома, которые, по мнению автора, являются универсальными, так как не зависят ни от каких изменений. Жизнеобеспечивающая и спасительная функция дома ассоциируется с прочностью и безопасностью. Защитная функция поддерживает физическую и психическую стабильность социума. Задавая ракурс видения окружающей социальной реальности, дом обеспечивает смыслообразующую функцию. Функция идентификации заключается в наделении домочадцев стабильными и непреходящими чертами их облика. Особая благоприятная энергетика дома обеспечивает реализацию его восстанавливающей функции, укрепляющей физическое и душевное здоровье. Сберегающая функция дома проявляется в сохранении и трансляции опыта, обычаев и ценностей конкретного рода от одного поколения другому. Эстетически умиротворяющая функция – это утверждение таких отношений в доме, которые создают и поддерживают атмосферу спокойствия, ненасилия, неагрессивности [Климова]. Хорошей иллюстрацией названных функций может служить фильм «Дом с лилиями», в финале которого обозначена еще одна функция дома, не описанная в цитируемой работе. Обитатели дома с лилиями воспринимают его как члена своей семьи и празднуют его столетний юбилей. Дополнительным источником для познания междисциплинарной проблемы дома может служить статья «Идея дома в философии культуры XX века» [Рымаревич 2013]. В ней также рассматриваются экзистенциальные проблемы человека, феномен дома анализируется в связи с уже упомянутой темой бездомности.

Одна из лекционных проблем психологии профессиональной деятельности названа при помощи утверждения величайшего софиста античности – Протагора: «Человек – мера всех вещей». В лекции данное утверждение обосновывается путем обращения к двум концепциям российских психологов труда. Первая из них – это концепция функционального комфорта Л.Д. Чайновой, объявленная эргономистами ВНИИТЭ основой эргодизайна. Суть ее заключается в следующем. Функциональный комфорт работающего человека означает «сочетание высокого уровня успешной деятельности с ее низкими нервно-психическими затратами (психофизиологической ценой деятельности)» [Эргодизайн промышленных изделий... 2009: 34]. Именно поэтому функциональный комфорт предложен в качестве обобщенного критерия оценки совершенства «как отдельных дизайнерских решений, так и дизайн-проектов в целом» [Там же: 35].

Вторая концепция принадлежит Е.А. Климову – это известная система психических средств регуляции труда. Из трех ее подсистем только первая содержит образы объектов профессиональной деятельности: образы предметов труда, средств труда и условий труда. Вместе с целями труда эти компоненты Е.А. Климов положил в основу полезной для решения практических задач формулы профессий. Вторая (профессиональное самосознание) и третья (надситуативные регуляторы) подсистемы представляют собой образы характерных особенностей самого профессионала [Климов 1996]. Не умаляя значимости первой подсистемы регуляторов, следует подчеркнуть особую роль двух других подсистем в обеспечении качества профессиональной деятельности. Так, развитое профессиональное самосознание способствует успешному профессиональному росту человека. Совокупность надситуативных регуляторов, к которым Е.А. Климов отнес потребности, эмоции, характер и направленность человека, позволяют человеку быть выше обстоятельств. Чтобы осознать механизм действия каждого надситуативного регулятора, осуществляется анализ его психологических особенностей, которые и обеспечивают надситуативность регуляции.

Оппозицией к проблеме «Человек – мера всех вещей» могут служить практические занятия, на которых анализируются тестовые задания и притчи, использующие предметы для определения и измерения психологических качеств человека. Например, притча «Трещина в кувшине» повествует об индивидуальной неповторимости и ценности каждого человека, а в притче «О гвоздях» содержится мудрое средство преодоления гнева. Рисуночные методики из книги «100 графических тестов», как разновидность проективных тестов, позволяют определить целый ряд психологических особенностей человека. Методика «Три дома» определяет социальный статус человека, «Три двери и три дороги» – его приоритеты в жизни, «Комната» – наличие врагов, «Вагоны» – предпринимательские способности, «Часы» – жизненную энергию и др. [Королева 2005]. Данные практические занятия позволяют обогатить представления студентов о человеке как субъекте профессиональной деятельности при изучении дисциплины «Психология профессиональной деятельности».

Целесообразно в учебных дисциплинах обращать внимание студентов на вторую оппозицию, существующую в научных исследованиях мира вещей и мира людей. С одной стороны, человеку свойственно одушевлять и одухотворять мир окружающих его вещей, наделяя при этом технические средства человеческими именами, сочиняя конкретные легенды для своих технических помощников. В научных разработках это нашло отражение в призывах заменить технико-ориентированное проектирование на человеко-ориентированное с целью создания «дружественных» к пользователю технических систем [Мунипов, Зинченко 200]. Ссылаясь на конкретные примеры, авторы монографии подчеркивают, что инструменты и орудия труда «могут выступать не только как продолжение или усиление органов человеческого тела, но и как продолжение души» [Там же: 321].

С другой стороны, наряду с очеловечиванием мира вещей происходит прямо противоположный процесс – расчеловечивания людей. На это ученые обращали внимание еще в прошлом веке. Так, А.Б. Добрович, предложивший классификацию уровней общения, выделил примитивный уровень как самый низкий уровень в классификации. Отличительным его признаком является то, что человек, находящийся на этом уровне общения, воспринимает своего партнера как нужный либо мешающий предмет [Добрович 1987]. Другой вариант феномена расчеловечивания проявляется в восприятии окружающих «в качестве “говорящих орудий”», которые возможно эксплуатировать в корыстных целях [Ефимов 2011: 289]. Вопрос об опасности

снижения качества отдельного человека для здоровья всей нации поднимали российские социологи еще в прошлом веке.

Проблемам негативного отношения к вещам (*вандализм*) и чрезмерному им поклонению (*шопоголизм*) также уделяется внимание при изучении дисциплины «Эргодизайн предметно-пространственной среды». Вандализм относится к экстрапунитивному типу агрессивного поведения делинквентных подростков, то есть подростков с отклоняющимся поведением [Моргун, Седых 1995]. Он проявляется в разрядке накопившегося аффекта в виде разрушительных действий в отношении вещей или предметов. Повышенное внимание проблеме вандализма целесообразно уделять при изучении педагогической психологии, а также делового общения с целью анализа психологических рекомендаций по выстраиванию правильных отношений с агрессивными подростками.

Анализ проблем шопоголизма православный врач и медицинский психолог К.В. Зорин поместил в главу, названную «Золотые кандалы». Предпринят всесторонний и глубокий анализ данного социального явления с опорой на конкретные примеры из жизни, которые делают излагаемый материал более убедительным. К.В. Зорин дал определение этого явления, выделил критерии шопинговой зависимости, ее симптомы, профилактики и борьбы с вещизмом, который еще в детстве может поражать юные души. Основной акцент в профилактике сделан на внутренней непростой душевной и духовной работе самого человека, испытывающего непреодолимую тягу к приобретательству и накопительству ненужных вещей. Серьезное предупреждение о последствиях такого пристрастия содержат следующие слова автора: «Человек, всецело живущий земным и временным, постепенно прирастает к предметам своих пристрастий, сливается, а потом и разрушается вместе с ними» [Зорин 2012: 81].

Трудность преодоления пагубной страсти предстает во всей своей остроте при знакомстве с социологической концепцией происхождения вещизма. Шопинг рассматривается как «новый секуляризованный вариант жертвоприношения, т. е. рудимент религиозного чувства, который реализуется в пространстве супермаркетов» [Гладарев 2006: 116]. Автор статьи сравнивает общество труда с обществом потребления и приходит к следующему парадоксальному, но правильному выводу. В обществе труда время работающего человека затрачивалось на достижение полезной цели при помощи средств труда. В обществе потребления люди покупают даже те вещи, в которых они не нуждаются. Покупка ради покупки как иррациональная форма поведения может совершаться под влиянием трех мотивов: присоединение к большинству (быть как все), поддержание престижа (одновременно выделяться среди других), гедонистическая практика (получать удовольствие). В итоге труд и время, материализованные в деньгах, затрачиваются на бесполезное действие, на пустую трату времени [Гладарев 2006].

Завершая аналитический обзор научно-исследовательских работ, выполненных в области отечественного эргодизайна, а также обобщая собственный опыт применения накопленных данных в преподавательской деятельности, сформулируем основные выводы.

1. Накопленный в научных исследованиях материал по разным проблемам проектирования ППС с целью их совершенствования можно излагать практически во всех психологических дисциплинах, изучаемых студентами ИПФ. Учебная дисциплина «Эргодизайн предметно-пространственной среды» фокусирует в себе весь спектр проблем ППС в полном объеме, в то время как в психологических дисциплинах анализируются лишь отдельные проблемы, релевантные их содержанию.

2. Потенциал научных исследований ППС, выполненных в гражданских учреждениях, с полным основанием может быть дополнен масштабными разработками военных эргономистов, которые являются результатами «двойного применения» (по терминологии П.Я. Шлаена и Г.М. Зараковского). Ценность обобщенного потенциала особенно высока в период, когда возрождение качественной подготовка инженеров и рабочих объявлено приоритетным направлением в обеспечении стратегического развития России.
3. Выявлены две оппозиции, важные для правильного понимания мира вещей и мира людей. Первая оппозиция заключается в противопоставлении древнего высказывания «человек – мера всех вещей» тому факту, что некоторые измерительные инструменты для определения качеств человека содержат в своем описании те или иные предметы мира вещей.
Вторая оппозиция касается противопоставления двух процессов: неоднократно наблюдаемого очеловечивания, одушевления разных предметов и расчеловечивания, снижения качества самого человека.

Библиографический список

Гладарев Б.С. Шопинг как рудимент религиозного сознания // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1. С. 110–119.

Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М.: Просвещение, 1987. 207 с.

Ефимов В. Курс эпохи водолея. Апокалипсис или возрождение. СПб.: ИГ «Весь», 2011. 400 с.

Зорин К.В. Наперекор внутреннему врагу. Что мешает быть с богом. М.: Русский Хронографъ, 2012. 304 с.

Калиничева М.М., Жердев Е.В., Новиков А.И. Научная школа эргодизайна ВНИИТЭ. Предпосылки. Итоги. Перспективы. ЛФ ВНИИТЭ, ИПК ГОУ ОГУ, 2009. 368 с.

Кашкина Т.К., Лидова В.Б. Эргодизайн как инновационная технология человекоориентированного проектирования (Зарубежный опыт) // Прогрессивные технологии отечественного эргодизайна. Вып. 1. М.: ВНИИТЭ. 2011. С. 62–77.

Климов Е.А. Психология профессионала. М.: Изд-во «Ин-т практич. психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК». 1996. 400 с.

Климова С.В. Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/51624p.html> (дата обращения: 14.08.2015)

Китаев-Смык Л.А. Вступительная статья // Черноушек М. Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989. С. 3–24.

Криулина А.А. Эргодизайн образовательного пространства. М.: ПЕР СЭ, 2003. 192 с.

Королева З. «Говорящий» рисунок: 100 графических тестов. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 304 с.

Любина Г.А. Письма о Монтессори-педагогике. Мн: НМ Центр, 1998. 192 с.

Лэнгле А. Психотерапия – научный метод или духовная практика? О соотношении между имманентным и трансцендентным на примере экзистенциального анализа // Московский Психотерапевтический Журнал. 2003. № 2. С. 7–34.

Моргун В.Ф., Седых К.В. Делинквентный подросток. Полтава, 1995. 161 с.

Мунипов В.М., Зинченко В.П. Эргономика: человекоориентированное проектирование техники, программных средств и среды. М.: Логос, 2001. 356 с.

Новоселова С.Л. Развивающая предметная среда детства // *Техническая эстетика*. 1994. № 2–3. С. 59–63.

Предметно-пространственная среда в сфере управления. М.: ВНИИТЭ, 2003. 86 с.

Рымарович С.Н. Идеи дома в философии культуры XX века // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2013. № 2(26). URL: www.scientific-notes.ru/pdf/030-021.pdf (дата обращения: 11.09.2015).

Сергеев С.Ф. Эргономика объектов вооружения (Краткий курс инженерной психологии для конструкторов систем управляемого вооружения). Тула: Гриф и К. 2003. 124 с.

Ничипоров Б.В. Введение в христианскую психологию. М.: Школа-Пресс, 1994. 192 с.

Чайнова Л.Д., Кашкина Т.К., Лидова В.Б. Организационная культура и предметно-пространственная среда в сфере управления // *Проблемы психологии и эргономики*. 2002. № 2. С. 73–80.

Чедия К.О. О некоторых проблемах онтогенетических уровней предметной (вещной и культурно-пространственной) экопсихологии // Там же. С. 83–84.

Черноушек М. Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989. 174 с

Шлаен П.Я., Зараковский Г.М. Конверсия военного производства и эргономическое качество промышленных изделий // *Техническая эстетика*. 1995. № 1. С. 25–30.

Эргодизайн промышленных изделий и предметно-пространственной среды / под ред. В.И. Кулайкина, Л.Д. Чайновой. М.: ВЛАДОС, 2009. 311 с.

Развивающая предметно-пространственная среда детства. М.: ВНИИТЭ. 1997. 60 с.